

Реден Николай

**Сквозь ад русской революции
Воспоминания гардемарина
1914-1919**

ББК 63.3(2)5
Р33

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Реден Н.
Р33 Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919 / Пер. с англ. Л.А. Иго-ревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 287 с.

ISBN 978-5-521-85598-8

Николаю Редену пришлось пройти через невероятные испытания, увидеть жизнь медвежьих уголв России, узнать тюрьму и оценить всю прелесть воли. Когда разразилась революция, юный гардемарин оказался в своей стране во враждебном окружении. Он перешел границу с Финляндией, воевал в составе Белой армии в Эстонии. После разгрома белых с группой молодых флотских офицеров на покинутом корабле он совершил переход в Копенгаген. Не раз пришлось юноше побывать на грани жизни и смерти. Судьба хранила Редена, ему удалось, пройдя множество испытаний, найти новую родину и не забыть о своей принадлежности к народу страны с трагической, но великой историей.

ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-521-85598-8

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

«...Как это часто бывает в истории, наши чувства склоняются на сторону тех, чье поражение мы должны считать, тем не менее, идущим во благо».

Джон Адамс Дойль.
«Английские колонии в Америке»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это краткое напутствие предназначено для тех, кто приступает к чтению с полной уверенностью в моей пристрастности. Хотелось бы напомнить, что никто не в состоянии дать совершенно объективное описание собственной жизни, как бы ни желал этого. Личные впечатления не всегда поддаются объяснению, но во многом определяются окружающей этого человека средой: семьей, друзьями, строем жизни — словом, всем, что формирует личность, всем, что влияет на нее на протяжении ее пути.

В данном случае речь идет о моем восприятии дореволюционной России. Я знаю, что в стране было много несправедливости, что определенные социальные группы страдали от произвола царской власти. Тем не менее мне повезло быть членом семьи, жившей в более комфортных, благоприятных условиях, поэтому мое отношение к дореволюционной жизни в России достаточно позитивно.

Столь очевидные противоречия заставляют меня признать свои ограниченные возможности и убеждают в том, что окончательную оценку революции следует оставить будущему поколению, которое сможет быть более объективным. У меня же нет желания де-

лать окончательные выводы или пытаться проводить сравнения старого и нового. Эти страницы просто посвящены истории болезни общества — тем событиям, которые я наблюдал в то время и в которых участвовал.

Глава 1

Если бы кто-нибудь сегодня сказал мне, что через 20 лет я больше не буду американцем, что каждому городу и селению этой страны суждено пережить войну и голод, что жизнь всех моих друзей будет выбита из привычной колеи и большинство из них погибнет насильственной смертью, а сам я окажусь в отдаленном уголке мира, навсегда оторванный от своей семьи, — если кто-нибудь сказал бы мне все это, я счел бы такого человека безумцем и категорически отверг столь мрачные прогнозы. Возможно, позднее, уединившись и дав волю воображению, впал бы в томительное беспокойство. Я вспомнил бы, что не так давно считал подобное предсказание смехотворным и абсурдным, однако оно полностью оправдалось.

Даже самое невероятное кажется возможным теперь, когда я начал чувствовать пропасть, разделяющую мое восприятие жизни прежде и сейчас. Внутренне я изменился: иным стало мое отношение к понятию «национальное», у меня другие привязанности и устремления. Только память связывает того, кем я был, с тем, каким я стал, — непрочная цепь впечатлений, — которая одним концом накрепко прикована к живому, пульсирующему настоящему, а другим теряется

в дымке времени, в странном, ирреальном прошлом. Трогая эту цепь, разум извлекает из далекого времени живые картины; каждая исчерпывающе полна: там люди, краски и звуки. Одновременно каждый образ — лишь эпизод в цепи событий, лишь миг бегущего времени, лишь маленькая ступень на этапе моего развития. Пять, десять, пятнадцать лет назад каждому из этих этапов соответствовали определенные надежды и разочарования, вера и убеждения. Сначала жизнь тянулась медленно, затем темп внезапно ускорился — над миром будто пронесся вихрь и посеял смуту среди окружающих меня людей.

В 1914 году наша семья проводила лето в Петергофе — курортном пригороде, расположенном в 25 милях от Петербурга. Наш дом — одна из четырех или пяти дач на побережье Кронштадтского залива — находился в некотором удалении от Петергофа. С одной стороны к нему примыкала рыбацкая деревушка, с другой — земли императорских владений. Дом представлял собой просторное деревянное сооружение без архитектурных излишеств, но выглядевшее весьма привлекательно. Вокруг был парк, обнесенный рядами длинных заборов, которые скрывали дом от любопытных глаз, и окруженный статными соснами, которые шумели кронами под морским ветерком. Одна из аллей тянулась вдоль дамбы, сооруженной из скальной породы. В море на расстояние нескольких сот метров уходила узкая деревянная пристань с широкой платформой на краю, со скамьями, а рядом лениво колыхались на воде наши лодки.

Именно здесь под плеск волн наша семья проводила последнюю неделю июля. Обычно в нашем доме царил непринужденная атмосфера: в выходные дни собирались гости, звучала музыка, играли в бридж, ку-

пались в море, совершали бесконечные экскурсии по живописным и историческим местам. Но в ту июльскую неделю было не до развлечений. Каждый из нас ощущал какую-то угрозу, ибо события приобретали неконтролируемый характер.

Месяцем раньше, как и всех русских людей, нас потрясли вести из Сараева. Убийство Франца Фердинанда, эрцгерцога Австрии, казалось безумным, злодейским преступлением, но, при всем своем возмущении и сочувствии, мы не могли сказать, что трагическая гибель эрцгерцога имела лично для нас большое значение.

Постепенно, однако, настроение изменялось. Россию охватили тревожные предчувствия, когда выяснилось, что Австрия намерена нажить политический капитал на своем несчастье. Среди образованных и мыслящих русских людей, влиявших на формирование общественного мнения, распространялись тревоги и обиды. Традиционная дружба России с Сербией представляла собой нечто большее, чем союз, продиктованный экономическими и дипломатическими соображениями. Большое число сербов приезжали в Россию на учебу, их присутствие сообщало отношениям двух стран теплоту и сердечность. И когда Сербия столкнулась с угрозой уничтожения со стороны могущественного и агрессивного соседа, в России усилилось сочувствие к своему балканскому союзнику.

Другим фактором, способствовавшим подъему в России национального самосознания, была затаенная вражда к немцам, так как в прошлом они выражали откровенное презрение к славянской расе. Во время кризиса эта скрытая неприязнь мгновенно выплеснулась наружу.

Общественное мнение определилось, соответствующую позицию заняло правительство России: если ав-

стрийцы нападут на Сербию, Россия должна прийти к ней на помощь. Но в то время как образованная часть русского общества почти единодушно одобряла такую политику, большинство продолжало надеяться, что войны можно избежать.

Тревожное ожидание в течение трех дней, последовавших за примиренческим ответом Сербии на беспрецедентные требования Австрии, достигло наивысшего напряжения. Каждый понимал, что следующий шаг Вены определит течение нашей будущей жизни.

Когда наша семья в молчании собиралась после ужина на пристани, залитой лунным светом, отчетливо чувствовалось общее внутреннее напряжение. Меня беспокоили тревожные мысли: если страна будет ввергнута в хаос войны, как он отразится на каждом из нас? Какие ужасные испытания готовит судьба моему отцу — генерал-майору медицинской службы, матери? Старшая сестра Ирина сообщила о своей помолвке, но не произойдет ли крушение ее планов и надежд? С нами жила восьмидесятилетняя тетья, старая дева. Доживет ли она до восстановления мира и спокойствия?

У меня не было ни четко осознанных страхов, ни предчувствия катастрофы — было лишь ощущение встречи с чем-то совершенно необъяснимым и глобальным. Даже мою восьмилетнюю сестрицу Веру одолевало какое-то внутреннее беспокойство — она казалась более непоседливой, чем обычно.

Я видел колыхание желто-зеленой воды, вздыбленной белыми бурунами, слышал ритмичный шум прибоя, вдыхал резкий, соленый запах моря. Вглядываясь во тьму, пытался отвлечься подсчетом огней на противоположном берегу залива и спрашивал себя, взорвет ли эту привычную безмятежность враждебный грохот

орудий. Справа, вдали, в небе светилось медно-красное пятно — отражение огней Петербурга. Слева, подобно одиноким часовым, высились неясные очертания мощных фортов Кронштадта, над которыми внезапно вспыхивал луч прожектора.

...Мы сидели, не проронив ни слова, до поздней ночи и внимательно вслушивались в рокот волн, будто ожидая от них откровения.

Глава 2

Тревожное ожидание прервалось, как только на стенах домов в городах и поселках расклеили императорский манифест об объявлении войны. Тотчас тревога, дурные предчувствия и споры сменились энтузиазмом и победоносными настроениями. Россия сплотилась в стремлении к общей цели.

Улицы Петербурга, на которых еще несколько недель назад происходили беспорядки и антиправительственные демонстрации, заполнились толпами людей, несущих национальные флаги и поющих национальный гимн. Тысячи экзальтированных горожан стояли перед посольствами Франции, Великобритании и Сербии, выкрикивая лозунги солидарности и приветствия. Но наиболее впечатляющие сцены происходили вокруг Зимнего дворца. Огромная площадь перед ним была забита людьми, стекавшимися туда со всех концов города. В этих людских потоках шли плечом к плечу крестьянки, студенты университета, торговцы, школьники, заводские рабочие, лавочники. Они несли иконы и портреты членов императорской семьи. Люди шли с желанием продемонстрировать свою лояльность царю и согласие с политическими шагами власти.

Временами на балконе появлялся император и приветствовал публику, и тогда шум и крики стихали, дети опускались на колени. Кто-то из толпы затягивал гимн, и тотчас его подхватывали сотни голосов. В воздухе мощно звучало «Боже, царя храни». Ничто не сотрет из памяти великолепную, внушающую благоговение картину единения царя и русского народа накануне великого испытания.

Эти проявления массового энтузиазма носили подлинный и спонтанный характер, поскольку в начале войны лишь немногие политические силы России были способны формировать общественное мнение и еще не научились манипулировать им. В искусстве пропаганды российские власти не отличались изощренностью. Политические партии, общества, профсоюзы, клубы и патриотические организации в том значении, как их понимали на Западе, были немногочисленны. Русский же народ систематической обработке идеями воинственного национализма не подвергался.

Каждый русский был убежден, что его страну вынудили взяться за оружие для защиты справедливости. На уличную демонстрацию люди выходили для выражения своих искренних чувств. Происходящее будоражило меня и окружающих людей — в час испытаний Россия казалась более величественной, чем прежде. Если это и было всего лишь массовым помутнением рассудка, то определенно безумие носило черты возвышенные. Кроме того, для доказательства искренней поддержки политики правительства имелось свидетельство более впечатляющее, чем энтузиазм толпы.

Всеобщая мобилизация, призыв на воинскую службу миллионов резервистов были осуществлены без каких бы то ни было затруднений. Эта быстрота и четкость стали серьезным ударом по планам германского Гене-